

УДК 32

Особенности исламистского радикализма на Северном Кавказе (на примере Дагестана)

Рамазанов Рашид Омариевич

Кандидат политических наук,
научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский научный центр Российской академии наук,
367030, Российская Федерация, Махачкала, ул. Ярагского, 75;
e-mail: rashram@yandex.ru

Аннотация

В литературе по радикализму подчеркивается роль социально-экономических и идеологических причин возникновения терроризма и экстремизма в Дагестане. И все же наше представление об этом явлении ограничено. Исследование роли личных связей помогает расширить наше понимание факторов исламистской радикализации. Целью статьи является исследование причин исламистского радикализма в Дагестане с особым вниманием к роли личных связей в распространении радикальных идей. Среди причин активизации исламистского радикализма в Дагестане необходимо учитывать исламистскую идеологию, а именно идеологическое требование по созданию исламского государства. В Дагестане проявляется внутренний конфликт в рамках мусульманского сообщества, в котором идеологические факторы играют значительную роль в отрицании или принятии исламистского взгляда. Кроме того, особую роль играют родственные и дружеские отношения в процессе вербовки в экстремистские группы.

Для цитирования в научных исследованиях

Рамазанов Р.О. Особенности исламистского радикализма на Северном Кавказе (на примере Дагестана) // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 193-202.

Ключевые слова

Исламистский радикализм, идеология, убеждения, религия, Северный Кавказ, Дагестан.

Введение

С тех пор как официальная власть в России инициировала обсуждение этой темы, термин «радикализм» используется в объяснении причин терроризма. Радикализм вошел в политический дискурс, и его связь с терроризмом стала частью общепринятых представлений. В то же время радикализм начал ассоциироваться преимущественно, если не полностью, с мусульманами и переходом в ислам. Вслед за терактами в российских городах, последовало заявление о том, что очевидно в России имеется проблема радикализма. Еще до того как терроризм стал обычным явлением в России, об исламистском радикализме было сказано, что это актуальная проблема. С учетом возможностей террористических сетей по распространению радикализма и вовлечению новых членов в свои ряды, мы предполагаем, что радикализм в меньшей или большей степени будет являться постоянной характеристикой российского общества на ближайшие десятилетия.

В этом контексте обращение к анализу дагестанского опыта помогает лучше понять, каковы причины исламистского радикализма в российском обществе. Изучение этого явления приобретает еще большее значение вследствие непрекращающихся терактов в регионах России. Актуальность расширения нашего понимания того, как молодые люди оказываются вовлечены в радикальное движение трудно переоценить.

Основная часть

В научной среде отсутствует общепризнанное определение радикализма, «единственное, о чем договорились эксперты по радикализму это то, что радикализм – это процесс» [Nasser-Eddine, 2011, 13]. Причины неоднозначного отношения коренятся в меняющемся отношении внутри общества к радикальным идеям в ходе истории, поскольку термин «радикал» является условным, и, следовательно, радикализм тоже зависит от истории и контекста [Sedgwick, 2010, 479-494].

Более того террористов не всегда можно считать «радикалами». Терминологически связь между радикализмом и терроризмом возникла после терактов 11 сентября в США в характеристике Аль-Каиды и аффилированных с ней структур [Silke, 2011, 18-21]. Связь между радикализмом и терроризмом сомнительна. Большое количество террористов никогда не были радикалами, в то время как большинство радикалов никогда не обращаются к терроризму [McCauley, Moskalenko, 2011, 5]. Некоторые, став «радикалами», приходят к экстремизму, других же вначале вербуют экстремистские группы, потом они становятся «радикалами».

Различные определения радикализма включают в себя «процесс, который приводит индивиды или группы к одобрению или даже к участию в использовании насилия в политических целях» [Neumann, 2012, 12]; «процесс, в рамках которого индивиды принимают экстремистские политические, социальные и религиозные идеалы и устремления, и в рамках которого достижение определенных целей оправдывает использование беспорядочного насилия» [Wilner, Dubouloz, 2011, 418-438]; «процесс активного принятия более радикальных исламских религиозных убеждений и идеалов» [19. P. 31]; «процесс принятия исламистской идеологии ведения войны» [34. P. 110-113].

Как считают некоторые исследователи радикализм – это «растущая готовность поддержать и осуществить далеко идущие изменения в обществе, которые противостоят или угрожают существующему порядку», в то время как радикализм, оправдывающий насилие – это процесс,

в рамках которого радикальные идеи сопровождаются желанием непосредственно поддержать или быть вовлеченным в насильственное действие» [Goerzig, Al-Hashimi, 2015, 1-16, 200-243]. Такое определение радикализма, оправдывающего насилие, связывает его с экстремизмом или приобщением к экстремистским взглядам, которые не только оправдывают, но запускают механизм совершения акта насилия [Schmid, 2013, 4].

Это исследование касается только исламистского радикализма, в котором исламизм определен как такой взгляд на ислам (характерный для салафитской школы в исламе), где «целью является установление исламского политического порядка в виде государства, в котором принципы управления, институты и правовая система происходят непосредственно из шариата» [Mandaville, 2007, 57].

В США салафизм считается радикальным движением в исламе, с чем в частности не согласен саудовец Мухаммед Масари [A Saudi Oppositionist's View, 2003, 1]. Такого же мнения придерживается другой саудовский автор Халид ал-Духайл, который не считает салафизм радикальным течением в исламе и отвергает какую-либо связь между религиозной идеологией и насильственными действиями религиозных экстремистов [Khalid al-Dukhayl, 2004]. По мнению же арабского автора Мухаммада Хасана радикалами следует считать меньшинство внутри широкого религиозно-политического движения салафизма [Мухаммад, 2005, 60].

По мнению исследователя О. Руа радикальным следует считать такое измерение ислама, которое он обозначил «термином неофундаментализм, а именно консервативное видение ислама, которое отвергает национальное и этатистское измерение в пользу уммы – универсального сообщества всех мусульман, основанного на шариате (мусульманском законе)» [Roy, 2004, 1].

На наш взгляд, исламистский радикализм – это процесс принятия идеологии салафитов-джихадистов, целью которого является создание исламского государства. При этом салафизм в целом представляет собой более радикальную версию ислама. Вместе с тем в салафизме пересекаются различные течения. Не все салафиты выступают за социальное изменение, к ним относятся те, кто не принадлежат ни к тем салафитам-экстремистам, кто лишь одобряет насилие, ни к тем экстремистам-террористам, кто осуществляет террор, это те, кто принадлежит к умеренной версии салафизма.

Таким образом, салафитское движение представлено несколькими группами «исламских радикалов»: «религиозные пуритане», «экстремисты, не использующие насилие», «экстремисты-террористы, использующие насилие» [Vidino, Brandon, 2012, 10]. Пуритане – это те, кто поддерживает умеренную версию салафитского ислама, которая может рассматриваться как радикальная, а может не рассматриваться как таковая, поскольку она может противостоять, а может не противостоять существующему порядку, однако, отличительной чертой «религиозных пуритан» является то, что они не одобряют насилия.

Следует отметить, что «экстремисты, не практикующие насилие» могут быть, а могут не быть «религиозными пуританами», но их отличает то, что они всегда оправдывают насильственные акты, хотя не участвуют в осуществлении религиозно-политического насилия. «Экстремисты-террористы, практикующие насилие» также могут быть, а могут не быть «религиозными пуританами», но они оправдывают и на самом деле участвуют в совершение насильственных действий.

Применяя к салафитскому исламу понятие «радикальный» следует избегать его отождествления с экстремизмом и терроризмом, поскольку это опасно, когда происходит расширение понятия и радикалы становятся террористами. В то же время следует признать, что

в салафизме в наибольшей степени проявляется идеология насилия и террора.

Наличие религиозной или политической идеологии, несомненно, важно для понимания решения на индивидуальном или групповом уровне о совершении акта террористического насилия. Некоторые системы верований мотивируют и оправдывают терроризм, обещая загробную жизнь и определяя насильственные средства как наиболее эффективные для ликвидации тех препятствий, которые стоят на пути реализации этих обещаний [Maupard, 2014, 821-841]. Система убеждений, формирующая религиозную идеологию, важна для поддержания сплоченности и единства в рядах террористической группы, разделяющей общие ценности [Schuurman, 2017]. Для мотивации терроризма система убеждений имеет значение в момент социализации террориста в террористической группе [Horgan, 2008, 81, 86-87].

Общепринято считать определяющей чертой радикализма единство радикальной системы убеждений и радикального поведения. За последние десятилетия многие научные школы и правительственные ведомства рассматривали радикализм как единство радикальной системы убеждений и поступков, ведущих к терроризму [Weggemans, De Graaf, 2017].

Скорее всего, экстремисты и террористы от ислама – это, прежде всего, религиозные фанатики. В Дагестане проживают преимущественно мусульмане, среди них есть и салафиты, однако, настоящих фанатиков среди них не так много, потому экстремизм и терроризм – это всегда удел меньшинства. Другое дело радикальная идеология салафизма, она имеет тенденцию роста числа своих приверженцев. Таким образом, к радикалам в Дагестане можно отнести последователей салафизма, чьи взгляды и образ жизни не может остаться незамеченным в повседневной жизни. Например, они выступают решительно против культа святых, за упрощение погребальных обрядов и поминальных обычаев во время похорон, запрещая устанавливать вычурные надгробия с изображением лица покойного. В отличие от них экстремисты считают обязательным столпом ислама ведение вооруженной борьбы против неверных, к которым относят всех, кто поклоняется кому-либо кроме Аллаха, то есть традиционных дагестанских мусульман, которые посещают могилы святых. Помимо тех, кто лишь одобряет насилие, в республике действуют террористические группы, осуществляющие террористическую деятельность. Террористы действуют в разных районах республики небольшими группами, убивая полицейских, служащих мусульманского культа, глав администраций.

Обвинения в радикализме в республике часто служат политическим целям властей, понятие искусственно расширяется. Между тем необходимо отличать радикалов в исламе от собственно террористов, иначе деятельность властей в религиозной сфере будет носить репрессивный характер.

Среди общих причин в литературе выделяют социальное и политическое неблагополучие как один из основных источников радикализма [Gurr, 1970]. Считается, что радикализм в исламе обусловлен тем, что мусульмане страдают от экономического и социального неравенства, дискриминации и исламофобии [Abbas, 2011, 85-106]. Приверженцы теории культурной идентичности называют среди причин радикализма внешнюю политику Запада и недовольство мусульман во всемирном масштабе [Mehdi, 2013].

Исследования показывают, что переживание индивидуумом негативного опыта такого, как тюремное заключение или потеря близких родственников может стимулировать проявления экстремистских взглядов [Wiktorowicz, 2005, 20-24, 85-127]. Считается также, что в радикальном исламе ищут спасение молодые мусульмане, страдающие от кризиса идентичности [Kerel, 2004, 8-9, 241-287].

С другой стороны, можно рассматривать индивида как рационального актора, стремящегося извлечь наибольшую выгоду из своего выбора. В этом случае побудительный мотив, толкающий индивида к радикализму, может быть духовного или материального порядка. Таким образом, приобщение к исламскому радикализму является следствием осознанного выбора индивида [Pisoiu, 2012, 3-4, 50-70], исходящим из желания извлечь из этого определенные духовные и материальные выгоды.

По мнению некоторых аналитиков, причиной преступного поведения является разрушение или ослабление социальных связей внутри общества [Hirschi, 1969, 11-34]. Становление радикализма обусловлено деятельностью радикальных сетей по привлечению и идеологической обработке новых членов [Wiktorowicz, 2005, 15-19, 205-211; Sageman, 2008, 125-146]. В приобщении личности к радикальным взглядам особенное значение имеют дружеские и родственные связи [Bakker, 2006]. Мечеть часто может служить тем местом, где формируется небольшая сплоченная группа, члены группы начинают активно взаимодействовать друг с другом и за пределами мечети и их радикальные убеждения усиливаются [Sageman, 2008, 86-87].

Социальные связи могут быть сильными (дружба, кровное родство и др.) и слабыми (участники одного митинга, члены одного клуба и др.) [Passy, 2001, 173-192]. Сильные социальные связи предполагают длительное взаимодействие, высокий уровень эмоциональной взаимозависимости, доверие и общие ценности. Слабые связи, наоборот, характеризуются низким уровнем взаимодействия, немногочисленными контактами. Слабые связи не способны служить распространению идей и информации, тогда как сильные связи, основанные на доверии и лояльности, важны для привлечения новых членов в высоко-рискованные предприятия и подпольные группы [Granovetter, 1973].

Помимо способствующих радикализации факторов (диаспоры, публичные места, тюрьмы, интернет) в анализе этого явления может быть использована гендерная теория [Choudhury, 2007, 10-13; Nabeelah, 2015; Karagiannis, 2012, 99-113]. Основываясь на положения этой теории, мусульманские мужчины обязаны вступить в ряды ИГИЛ (запрещенная в России организация) для демонстрации своей мужественности. Таким же образом ИГИЛ (запрещенная в России организация) предлагает мусульманским женщинам возможность сохранить свои позиции в строго патриархальном сообществе.

Считается также, что радикализации в большей степени подвержены новообращенные в исламе. Они уязвимы с точки зрения их возможной радикализации, поскольку часто становятся жертвой дискриминации, политических проблем. Кроме того, они становятся объектами идеологической обработки радикальных проповедников.

Среди причин активизации радикализма в Дагестане первостепенное значение отводится высокому уровню безработицы и отсутствию жизненных перспектив для молодежи [Рамазанов, 2010]. Официальный уровень безработицы по данным Росстата за июль 2018 г. составил 11%. Особенно велико число безработных среди молодежи от 20-29 лет. Из-за социально-экономических проблем в республике сохраняется деструктивный потенциал [Исрапилов, Муртузалиев, 2009].

В наибольшей степени от ухудшения экономической ситуации страдают горные районы республики Дагестан. Отсутствие работы, миграционные процессы, вызванные потоком из села в город, отсутствие финансирования, низкий уровень пенсионного обеспечения и детских пособий, высокая инвалидность взрослого и детского населения, высокий уровень религиозности в горной местности создают благоприятную почву для роста исламистского

радикализма [Карпов, 2007, 656]. Еще одним фактором роста социальной напряженности в Дагестане является дисбаланс экономики и демографии. Экономика не в состоянии обеспечить рабочими местами всех, кто вступает во взрослую жизнь [Исрапилов, 2010]. По этим причинам число радикалов растет из года в год [Исмаилов, Курбанмагомедов, 2008, 342-344].

Кроме того, социально-экономическое недовольство, которое является причиной радикализма, происходит из-за высокого уровня коррупции в республике. Коррупция стоит в числе первостепенных социально-экономических проблем. Дотационный характер экономики республики, дисбаланс между демографией и занятостью, неустроенность молодежи, не нашедшей свое место в жизни, все это порождает причины, приводящие к исламистскому радикализму.

Ряд исследователей связывают проблемы Дагестана с общими тенденциями развития нестабильности на Северном Кавказе [Алиев, Арухов, Ханбабаев, 2007].

Также причиной роста терроризма и экстремизма в Дагестане является исламистская идеология. Как считает К.М. Ханбабаев, проявления радикализма напрямую связаны с распространением религиозной идеологии исламизма на территории Дагестана [Ханбабаев, 2007, 105-116], целью которой является создание независимого исламского государства на Северном Кавказе. Немалую роль в этом процессе играет внешняя поддержка, так Саудовская Аравия выделяет средства на поддержку радикалов Северного Кавказа.

Кроме того, родственные и дружеские связи способствуют распространению радикализма, приобщению к более радикальным взглядам среди радикалов-единомышленников. Обычно знакомства завязываются в общественно доступных местах, таких как мечети, исламские центры и т.д. Умеренные радикалы становятся на путь воинствующего исламизма, после того как завязывают дружеские связи с радикалами-экстремистами, общение становится более интенсивным внутри коллектива друзей, вовлеченных в подпольную деятельность, они встречаются на частных квартирах, где нет посторонних. Таким образом, общение из мечети, где много сторонних людей, переносится в места частного пользования, где встречаются только друзья. В этих условиях радикальные идеи распространяются лучше, чем в мечетях, связи между друзьями крепнут, и растет уровень доверия и сплоченности группы. Родственные связи также могут служить средством радикализации взглядов индивида. Так радикал, даже если он придерживается умеренных взглядов, не одобряет насилие, попадает под влияние воинствующих группировок, провоцирующих экстремизм.

Заключение

Поскольку в Дагестане очень много верующей молодежи, регулярно посещающей мечети, можно сказать, что все они находятся в группе риска, особенно новообращенные мусульмане. То есть религиозность в Дагестане чревата опасностями, проистекающими от знакомства с исламистским радикализмом. То же самое можно сказать о едином информационном пространстве (интернет), которым радикалы пользуются для завязывания знакомств с теми, кто потом становится их единомышленником и другом.

Среди причин активизации исламистского радикализма в Дагестане необходимо учитывать исламистскую идеологию, а именно идеологическое требование по созданию исламского государства.

Можно предположить, что в Дагестане проявляется внутренний конфликт в рамках мусульманского сообщества, в котором идеологические факторы играют значительную роль в

отрицании или принятии исламистского взгляда. Определяя основную роль в распространении исламистского радикализма необходимо иметь в виду, что личные связи, а именно родственные и дружеские отношения определяют процесс передачи радикальных идей.

Библиография

1. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М., 2007. С. 448.
2. Занятость и безработица в РФ в июле 2018г. (по итогам обследования населения по проблемам занятости). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud6.htm
3. Исмаилов А.Г., Курбанмагомедов А.А. Формы проявления экстремизма в Дагестане // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала: Лотос, 2008 Т. 1 С. 342-344.
4. Ибрапилов С. Опасный рост // Северный Кавказ. 2010. 20 апреля.
5. Ибрапилов С., Муртузалиев М. Планы и кланы // Северный Кавказ. 2009. 25 августа.
6. Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 656 с.
7. Коррупция и преступность в Республике Дагестан. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=10703>
8. Мухаммад Х. Источник террора: идеология ваххабизма-салафизма. М., 2005. С. 60-61.
9. Рамазанов М.Б. Трансформация ценностной парадигмы как базисный фактор проявлений экстремизма в Дагестане. URL: <http://sweb.ru/>
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. Сборник. Росстат. М., 2017. 996 с.
11. Ханбабаев К.М. Исламский радикализм на Северном Кавказе. Идеология, цели, пути финансирования // Свободная мысль. 2007. № 3. С. 105-116.
12. A Saudi Oppositionist's View // Terrorism Monitor. 2003. Volume 1. Issue 7. P. 1.
13. Abbas T. Islamic Radicalism and Multicultural Politics. Oxon: Routledge, 2011. P. 85-106.
14. Bakker E. Jihadi terrorist in Europe. Their characteristics and the circumstances in which they joined the jihad: an exploratory study. The Hague, 2006.
15. Berrebi C. Evidence about the link between education, poverty and terrorism among Palestinians // Peace Economics, Peace Science and Public Policy. 2007. 13. No. 1. P. 1-38.
16. Campbell J., Harwood A. Boko Haram and Nigeria's pervasive violence. URL: <https://www.cfr.org/expert-brief/bokoharam-and-nigerias-pervasive-violence>
17. Croft S. Securitizing Islam: Identity and the Search for Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 1-16, 200-243.
18. Choudhury T. The Role of Muslim Identity Politics in Radicalisation (a study in progress). London, 2007. P. 10-13.
19. Goerzig C., Al-Hashimi K. Radicalization in Western Europe. London: Routledge, 2015. P. 31.
20. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. 78. P. 1360-1380.
21. Gurr T. Why Men Rebel. Princeton, 1970.
22. Hirschi T. Causes of Delinquency. Berkeley: University of California Press, 1969. P. 11-34.
23. Horgan J. From Profiles to Pathways and Roots to Routes: Perspectives from Psychology on Radicalization into Terrorism // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. 618. No. 1, P. 81, 86-87.
24. Jensen M. Final Report: Empirical Assessment of Domestic Radicalization (EADR). College Park, MD: National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism, 2016. P. 8-9.
25. Karagiannis E. Europeans Converts to Islam: Mechanisms of Radicalization // Politics, Religion, and Ideology. 2012. 13: 1. P. 99-113.
26. Khalid al-Dukhayl. Al-Wahhabiyya: Ru'ya Mukhtalifa" (Wahhabism: a different vision). Al-Ittihad, 2004.
27. Kepel G. The War for Muslim Minds. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2004. P. 8-9, 241-287.
28. Korteweg J. Understanding Violent Radicalisation // Terrorist and Jihadist Movements in Europe. London: Routledge, 2010. P. 26-29.
29. Lifton R. Destroying the World to Save It. New York: Holt, 2000. P. 238.
30. Mandaville P. Global Political Islam. London: Routledge, 2007. P. 57.
31. Maynard J. Rethinking the role of ideology in Mass Atrocities // Terrorism and Political Violence. 2014. 26. No. 5. P. 821-841.
32. McCauley C., Moskalenko S. Friction. How Radicalization Happens to Them and Us. Oxford: University Press, 2011. P. 5.
33. Mehdi H. Extremist Point to Western Foreign Policy to Explain their Acts. Why do we ignore them? URL: http://www.huffingtonpost.co.uk/mehdi-hasan/woolwich-attack-western-foreign-policy_b_3357794.html

34. Mullins S. Iraq Versus Lack of Integration // Behavioral Science of Terrorism and Political Aggression. 2012. 4. P. 110-113.
35. Nabeelah J. The secret world of Isis brides // The Guardian. 2015. 24 June.
36. Nasser-Eddine M. et al. Countering Violent Extremism (CVE) Literature Review. Canberra, 2011. P. 13.
37. Neumann P. The Trouble with Radicalization // International Affairs. 2011. 89:4. P. 885-891.
38. Neumann P. Prisons and Terrorism. London: ICSR, 2012. P. 12.
39. Olivier R. Globalised Islam: The Search for a New Ummah. London: Hurst & Company, 2004. P. 1.
40. Passy F. Socialization, connection, and the structure/agency gap: a specification of the impact of networks on participation in social movements // Mobilization. 2001. Vol. 6. No. 2. P.173-192.
41. PISOIU D. Islamist Radicalization in Europe. An occupational change process. New York: Routledge, 2012. P. 3-4, 50-70.
42. Sageman M. Leaderless Jihad. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. P. 86-87.
43. Schmid A. Radicalisation, De-radicalisation, Counter-radicalisation. The Hague: ICCT, 2013. P. 4.
44. Schuurman B. Becoming a European Homegrown Jihadist: A Multilevel Analysis of Involvement in the Dutch Hofstadgroup, 2002-2005. Leiden University, 2017. P. 71, 152.
45. Sedgwick M. The Concept of Radicalization as a Source of Confusion // Terrorism and Political Violence. 2010. 22. P. 479-494.
46. Silke A. Disengagement or Deradicalization // CTC Sentinel. 2011. 4. P. 18-21.
47. Vidino L., Brandon J. Countering Radicalization in Europe. London: ICSR, 2012. P. 10.
48. Weggemans D., De Graaf B. Reintegrating Jihadist Extremist Detainees: Helping Extremist Offenders Back into Society. London: Routledge, 2017. P. 28.
49. Wehrey F. A Clash of Wills: Hizballah's Psychological Campaign Against Israel in South Lebanon // Small Wars and Insurgencies. 2002. 13. Issue 3. P. 76-84.
50. Wiktorowicz Q. Radical Islam Rising. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2005. P. 20-24, 85-127.
51. Wilner A., Dubouloz C. Transformative Radicalization // Studies in Conflict & Terrorism. 2011. 34. P. 418-38.

Features of Islamist radicalism in the North Caucasus (on the example of Dagestan)

Rashid O. Ramazanov

PhD in Political Science, Researcher,
Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
367030, 75, Yaragskogo st., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: rashram@yandex.ru

Abstract

The literature on radicalism stresses the role of the socio-economic and ideological causes of terrorism and extremism in Dagestan. And yet our understanding of this phenomenon is limited. Exploring the role of personal connections helps expand our understanding of Islamist radicalization factors. The aim of the article is to study the causes of Islamist radicalism in Dagestan, with particular attention to the role of personal connections in the dissemination of radical ideas. Since there are a lot of believing young people in Dagestan, who regularly attend mosques, it can be said that all of them are at risk, especially new Muslims. That is, religiosity in Dagestan is fraught with dangers arising from acquaintance with Islamist radicalism. The same can be said about a single information space (Internet), which the radicals use to make acquaintances with those who then become their soul mate and friend. Among the reasons for the intensification of Islamist radicalism in Dagestan, it is necessary to take into account Islamist ideology, namely, the ideological demand for the creation of an Islamic state. In Dagestan, there is an internal conflict within the Muslim

community, in which ideological factors play a significant role in denying or accepting the Islamist view. In addition, kinship and friendships play a special role in the recruitment process to extremist groups.

For citation

Ramazanov R.O. (2018) Osobennosti islamistskogo radikalizma na Severnom Kavkaze (na primere Dagestana) [Features of Islamist radicalism in the North Caucasus (on the example of Dagestan)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 193-202.

Keywords

Islamist radicalism, ideology, beliefs, religion, the North Caucasus, Dagestan.

References

1. (2003) A Saudi Oppositionist's View. *Terrorism Monitor*, 1, 7, p. 1.
2. Abbas T. (2011) *Islamic Radicalism and Multicultural Politics*. Oxon: Routledge.
3. Aliev A.K., Arukhov Z.S., Khanbabaev K.M. (2007) *Religiozno-politicheskii ekstremizm i etnokontsessional'naya tolerantnost' na Severnom Kavkaze* [Religious-political extremism and ethno-confessional tolerance in the North Caucasus]. Moscow.
4. Bakker E. (2006) *Jihadi terrorist in Europe. Their characteristics and the circumstances in which they joined the jihad: an exploratory study*. The Hague.
5. Berrebi C. (2007) Evidence about the link between education, poverty and terrorism among Palestinians. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*, 13, 1, pp. 1-38.
6. Campbell J., Harwood A. *Boko Haram and Nigeria's pervasive violence*. Available at: <https://www.cfr.org/expert-brief/bokoharam-and-nigerias-pervasive-violence> [Accessed 10/10/2018]
7. Croft S. (2012) *Securitizing Islam: Identity and the Search for Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Choudhury T. (2007) *The Role of Muslim Identity Politics in Radicalisation (a study in progress)*. London.
9. Goerzig C., Al-Hashimi K. (2015) *Radicalization in Western Europe*. London: Routledge.
10. Granovetter M. (1973) The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*, 78, pp. 1360-1380.
11. Gurr T. (1970) *Why Men Rebel*. Princeton.
12. Hirschi T. (1969) *Causes of Delinquency*. Berkeley: University of California Press.
13. Horgan J. (2008) From Profiles to Pathways and Roots to Routes: Perspectives from Psychology on Radicalization into Terrorism. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 618, 1, pp. 81, 86-87.
14. Ismailov A.G., Kurbanmagomedov A.A. (2008) Formy proyavleniya ekstremizma v Dagestane [Forms of manifestation of extremism in Dagestan]. In: *Aktual'nye problemy protivodeystviya natsional'nomu i politicheskomu ekstremizmu: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of counteraction against national and political extremism: materials of the All-Russian scientific-practical conference]. Makhachkala: Lotos Publ. Vol. 1.
15. Israpilov S. (2010) Opasnyi rost [Dangerous growth]. *Severnyi Kavkaz* [North Caucasus], 20th of April.
16. Israpilov S., Murtuzaliev M. (2009) Plany i klany [Plans and clans]. *Severnyi Kavkaz* [North Caucasus], 25th of August.
17. Jensen M. (2016) *Final Report: Empirical Assessment of Domestic Radicalization (EADR)*. College Park, MD: National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism.
18. Karagiannis E. (2012) Europeans Converts to Islam: Mechanisms of Radicalization. *Politics, Religion, and Ideology*, 13, 1, pp. 99-113.
19. Karpov Yu.Yu. (2007) *Vzglyad na gortsev. Vzglyad s gor: mirovozzrencheskie aspekty kul'tury i sotsial'nyi opyt gortsev Dagestana* [A look at the mountaineers. A view from the mountains: worldview aspects of culture and social experience of the mountaineers of Dagestan]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ.
20. Khalid al-Dukhayl (2004) *Al-Wahhabiyya: Ru'ya Mukhtalifa'* (Wahhabism: a different vision). Al-Ittihad.
21. Kepel G. (2004) *The War for Muslim Minds*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.
22. Khanbabaev K.M. (2007) Islamskii radikalizm na Severnom Kavkaze. Ideologiya, goals, ways of financing]. *Svobodnaya mysl'* [Free thought], 3, pp. 105-116.
23. *Korrupsiya i prestupnost' v Respublike Dagestan* [Corruption and crime in the Republic of Dagestan]. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=10703> [Accessed 10/10/2018]
24. Korteweg J. (2010) Understanding Violent Radicalisation. In: *Terrorist and Jihadist Movements in Europe*. London: Routledge.

25. Lifton R. (2000) *Destroying the World to Save It*. New York: Holt.
26. Mandaville P. (2007) *Global Political Islam*. London: Routledge.
27. Maynard J. (2014) Rethinking the role of ideology in Mass Atrocities. *Terrorism and Political Violence*, 26, 5, pp. 821-841.
28. McCauley C., Moskalenko S. (2011) *Friction. How Radicalization Happens to Them and Us*. Oxford: University Press.
29. Mehdi H. *Extremist Point to Western Foreign Policy to Explain their Acts. Why do we ignore them?* Available at: http://www.huffingtonpost.co.uk/mehdi-hasan/woolwich-attack-western-foreign-policy_b_3357794.html [Accessed 10/10/2018]
30. Mukhammad Kh. (2005) *Istochnik terrora: ideologiya vakhkhabizma-salafizma* [Source of terror: the ideology of Wahhabism-Salafism]. Moscow.
31. Mullins S. (2012) Iraq Versus Lack of Integration. *Behavioral Science of Terrorism and Political Aggression*, 4, pp. 110-113.
32. Nabeelah J. (2015) The secret world of Isis brides. *The Guardian*, 24 June.
33. Nasser-Eddine M. et al. (2011) *Countering Violent Extremism (CVE) Literature Review*. Canberra.
34. Neumann P. (2011) The Trouble with Radicalization. *International Affairs*, 89:4, pp. 885-891.
35. Neumann P. (2012) *Prisons and Terrorism*. London: ICSR.
36. Olivier R. (2004) *Globalised Islam: The Search for a New Ummah*. London: Hurst & Company.
37. Passy F. (2001) Socialization, connection, and the structure/agency gap: a specification of the impact of networks on participation in social movements. *Mobilization*, 6, 2, pp. 173-192.
38. Pisiou D. (2012) *Islamist Radicalization in Europe. An occupational change process*. New York: Routledge.
39. Ramazanov M.B. *Transformatsiya tsennostnoi paradigmy kak bazisnyi faktor proyavlenii ekstremizma v Dagestane* [Transformation of the value paradigm as the basic factor of manifestations of extremism in Dagestan]. Available at: <http://sweb.ru/> [Accessed 10/10/2018]
40. (2017) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2017: Stat. Sbornik. Rosstat* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2017: Stat. Collection. Rosstat]. Moscow.
41. Sageman M. (2008) *Leaderless Jihad*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
42. Schmid A. (2013) *Radicalisation, De-radicalisation, Counter-radicalisation*. The Hague: ICCT.
43. Schuurman B. (2017) *Becoming a European Homegrown Jihadist: A Multilevel Analysis of Involvement in the Dutch Hofstadgroup, 2002-2005*. Leiden University.
44. Sedgwick M. (2010) The Concept of Radicalization as a Source of Confusion. *Terrorism and Political Violence*, 22, pp. 479-494.
45. Silke A. (2011) Disengagement or Deradicalization. *CTC Sentinel*, 4, pp. 18-21.
46. Vidino L., Brandon J. (2012) *Countering Radicalization in Europe*. London: ICSR
47. Weggemans D., De Graaf B. (2017) *Reintegrating Jihadist Extremist Detainees: Helping Extremist Offenders Back into Society*. London: Routledge.
48. Wehrey F. (2002) A Clash of Wills: Hizballah's Psychological Campaign Against Israel in South Lebanon. *Small Wars and Insurgencies*, 13, 3, pp. 76-84.
49. Wiktorowicz Q. (2005) *Radical Islam Rising*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
50. Wilner A., Dubouloz C. (2011) Transformative Radicalization. *Studies in Conflict & Terrorism*, 34, pp. 418-38.
51. *Zanyatost' i bezrabotitsa v RF v iyule 2018g. (po itogam obsledovaniya naseleniya po problemam zanyatosti)* [Employment and unemployment in the Russian Federation in July 2018. (based on the results of the population employment survey)]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud6.htm [Accessed 10/10/2018]